

Ли Уман подумал, что, должно быть, засиделся, практикуя технику, и упустил время. Дорога на гору была опасной, спускаться в темноте — чистое самоубийство. Поколебавшись, он решил всё же испытать этот язычок колокола.

Он подошел к древнему бронзовому колоколу. Просунув руку внутрь, нащупал кольцо и зацепил за него крюк язычка, а затем потянул за медную цепь с другой стороны. Раздался глухой, низкий гул.

Ли Уман потянул сильнее, но звук остался таким же невыразительным. Опасаясь, что люди из секты Фугуан ничего не услышат, он собрал восемь десятых своей внутренней энергии Великого Ян и рванул цепь. Звук получился мощным, в раскатистом «кван» отчетливо слышались отголоски грома. Ли Уман снял язычок, вернулся в благословенную землю Фугуан и положил его рядом с каменной ступкой.

Вернувшись к выходу из пещеры, он увидел, что совсем стемнело. Путь назад был отрезан — оставалось только ждать рассвета. Размышляя о том, насколько хорошо он овладел сердечной техникой Великого Ян, он сделал несколько шагов к большому камню перед входом в пещеру.

Сосредоточив силу в правой ладони, он слегка присел, направляя поток энергии, и нанес удар в пять десятых силы. Камень был частью горы, и, как только ладонь коснулась поверхности, Ли Уман почувствовал мощнейшую отдачу.

Инстинктивно применив защитную технику, он отлетел на три чжана назад и рухнул прямо у входа в пещеру. Это его изрядно напугало.

Ли Уман учился боевым искусствам у Лю Сычэна всего три месяца. Обычные люди за такой срок успевают лишь заложить фундамент, да и Ли Уман не обладал выдающимися талантами — он сильно уступал И Минсяну. Однако он был прилежен: зазубрил технику наизусть, запомнил все меридианы и точки. В боевых искусствах всё требует постепенной закалки, разве бывает путь к мастерству в одночасье?

Но Ли Уман, движимый нелепой идеей, воспользовался водяной жемчужиной и, сам того не ведая, попал в точку. Жемчужина действительно помогала в тренировках, но тело смертного не могло выдержать такой мощи — Ли Уман тогда обжег меридианы и охромел.

Ради И Минсяна он рискнул жизнью, поднявшись на гору Фэншань, и по чистой случайности выпил в благословенной земле Фугуан молока синего камня. Этот редчайший дар природы был невероятно полезен для культиваторов, а для простого бойца — тем более. Ли Уман выпил три ложки и, будучи юным и неокрепшим, попросту опьянел.

Молоко синего камня не только укрепляло эссенцию и питало первородную энергию, как говорил Ма Куй, но и выводило яды, исцеляя раны. Обжженные меридианы Ли Умана восстановились, став при этом гораздо крепче и шире. По уровню проходимости меридианов он теперь превосходил даже величайших мастеров боевых искусств, посвятивших этому всю жизнь.

Каменное ложе тоже оказалось необычным. На вид — простая плита, но сделана она была из нефрита Хоудао. Это был донный нефрит, который Гань Ли с огромным трудом добыл на дне Моря Десяти Тысяч Демонов и при помощи техник создания артефактов превратил в ложе для своей пещеры.

Это ложе впитывало духовную энергию. Для Гань Ли, чья база культивации была на средней ступени Золотого Ядра, все земные сокровища были лишь прахом, и он просто медитировал на этом нефрите.

Нефрит Хоудао сам по себе был редчайшим даром природы, помогающим в практике боевых искусств и Дао. А уж после обработки, проведенной Гань Ли, его польза для культиватора становилась колоссальной. Что уж говорить о Ли Умане — обычном смертном? Отдых и тренировки на таком ложе давали невероятный прогресс в освоении сердечной техники Великого Ян.

Ли Уман не осознавал, что его обычные на первый взгляд действия в пещере — это то, о чем мечтает любой мастер, и именно поэтому его удар обладал такой чудовищной силой.

Найдя неподалеку дерево толщиной с руку взрослого человека, он применил руку-меч из арсенала секты Великого Ян, вложив те же пять десятых силы. Дерево с хрустом переломилось. Ли Уман уставился на гладкий срез и растерялся.

Лю Сычэн говорил: мастер, достигший совершенства в технике руки-меча, может перерубить дерево толщиной с руку, и срез будет гладким, словно от ножа. Неужели он стал таким мастером? В городке Хунье, торгуя мелочевкой, он всегда с благоговением смотрел на бойцов, и осознание того, что теперь он может стоять с ними в одном ряду, наполнило его сердце гордостью.

Стемнело. Ли Уман вернулся в пещеру, освещенную мягким светом жемчужины. Раньше он спешил позвонить в колокол, поэтому не разглядывал всё внимательно. Теперь же, вынужденный остаться на ночь, он решил осмотреться.

В пещере был только один вход. В углу, где стояла каменная ступка, бил родник. Он зачерпнул воды, выпил немного, закусил сухим пайком, который дал Хэй Тайсуй.

Он зашел в комнату, где лежали нефритовые пластины. На стенах были высечены ниши, в которых они хранились — всего больше десяти штук. Ли Уман взял одну: гладкая, как новая, но ни единого знака. Пришлось вернуть на место.

В нише стояла черная печь для алхимии высотой в девять цуней и диаметром в шесть. По бокам золотыми нитями был выведен узор пламени. Ли Уман, снедаемый любопытством, потянулся было взять её, но, несмотря на малый размер, сдвинуть печь не удалось.

Он применил пять десятых своей силы — печь даже не шелохнулась. Ли Уман отпустил её,

присмотрелся: не выросла ли она в камень? Взялся двумя руками, вложил всю силу — ни на йоту.

В этот момент он внезапно понял разницу между культиватором и смертным. Гордость от перерубленного дерева испарилась, сменившись жгучим желанием ступить на путь совершенствования.

В атмосфере благословенной земли Фугуан Ли Уман ощутил неземной, возвышенный дух культиваторов. Хотя он никогда их не видел, даже в этой пещере Гань Ли чувствовалась огромная пропасть между ними и обычными людьми. Эта разница вызывала у смертных бесконечное почтение. Но, вспомнив, в какой опасности находится И Минсян, он отложил эти мысли в сторону.

Выйдя из комнаты, Ли Уман сел в позу лотоса на нефрит Хоудао. Теперь, когда он поднялся на вершину Фэншань и ударил в колокол, люди из секты Фугуан обязательно потребуют объяснений.

Ли Уману было всего тринадцать, но пережитые за последние два года невзгоды сделали его куда взрослее сверстников. Продавая семечки и леденцы, он сполна познал человеческую холодность и коварство. Он начал обдумывать, что сказать людям из секты Фугуан, решив ни в коем случае не упоминать о благословенной земле Фугуан.

Ничего путного не придумав, он решил не ломать голову и просто занялся медитацией. Так прошло несколько часов.

Как только рассвело, Ли Уман отправился вниз. Охранные печати Гань Ли были опасны не только для тех, кто поднимался, но и для тех, кто спускался. Но Ли Умана защищала водяная жемчужина, поэтому никакой угрозы он не почувствовал.

Нога давно зажила, техника Великого Ян была освоена, и опасные места, которые он проходил при подъеме, теперь казались сущим пустяком. Тем не менее, он не терял бдительности. Через час он был уже почти у того места, где его ждал Хэй Тайсуй. Издалека он услышал его голос:

— Молодой господин Ли вернулся! Истинное везение, господин Ли!

Когда он подошел ближе, Хэй Тайсуй шагнул навстречу и сложил руки в приветственном жесте:

— Приветствую вас, молодой господин Ли.

Ли Уман поспешно ответил:

— Глава Хэй, моё почтение.

— Мы с братьями вчера услышали, как колокол на горе загремел на всю округу, и ждали здесь

до рассвета, очень переживали. Теперь, когда вы вернулись, мы спокойны.

Ли Уман увидел, что все пятеро, сидевшие в тот день в главном зале, были здесь. Он поклонился:

— Приветствую вас, уважаемые главы.

Те ответили тем же.

Хэй Тайсуй сказал:

— Молодой господин Ли, мы здесь одни, чтобы поговорить без лишних ушей. Думаю, по возвращении вам стоит занять главное кресло. Что скажете?

— Глава Хэй, у меня нет иных желаний, кроме как с помощью вашей секты спасти моего младшего брата.

— Если вы станете нашим главой, секта Фугуан будет в ваших руках. Разве мы посмеем не приложить все силы, чтобы спасти второго молодого господина?

— Я еще слишком молод и несведущ, как я могу стать главой? Прошу, глава Хэй, приложите все усилия, чтобы спасти моего брата. — Он снова поклонился.

— Секта Фугуан не нарушает своих обещаний. Давайте вернемся и обсудим всё в лагере.

Когда они вернулись, на тренировочной площадке собралось человек триста-четыре. Увидев Ли Умана, люди притихли, глядя на него с уважением, завистью и даже надеждой.

Хэй Тайсуй махнул рукой:

— Братья, расходитесь.

Шестеро вошли в главный зал, а на площадке еще долго не стихали споры.

Хэй Тайсуй снова предложил Ли Уману занять главное место, но тот отказался. Пришлось сесть как придется.

— Молодой господин Ли, я разузнал про вашего брата, И Минсяна. Его похитили люди из секты Цинфэн, — вздохнул Хэй Тайсуй.

— Прошу вас, глава Хэй, приложите усилия, чтобы вернуть моего брата.

— Секта Цинфэн основалась всего пару лет назад, связей у нас с ними нет. Они ведут дела на торговых путях без всяких правил, сплошной беспорядок, торговые караваны боятся ходить, сами себе перекрыли путь к доходу. Теперь, когда с деньгами туго, они завидуют делам секты Фугуан. Недавно разгромили мое игорное заведение в городке Хунье, я схватил нескольких их людей и отрезал им уши. Видимо, затаили обиду. — Хэй Тайсуй холодно усмехнулся.

Ли Уман спросил:

— Неужели мой брат связан с этим делом?

— Они похитили молодого господина из семьи И, чтобы подставить секту Фугуан. Хотят разозлить старого главу И Линя. Губернатор Аньчжоу — ученик И Линя, если он отправит войска на подавление, секта Цинфэн останется в выигрыше. В городке Хунье у секты Фугуан много долей в предприятиях, вот они и нацелились на это. — Хэй Тайсуй видел ситуацию насквозь.

— И что же делать? — Ли Уман понял, что дело серьезное.

— В секте Фугуан триста лет не было главного главы, это знают все в округе. Теперь, когда вы поднялись на гору Фэншань, если вы займете главное кресло, люди в лесах будут относиться к вам и к секте Фугуан с иным почтением. Тогда спасти вашего брата будет проще простого.

Ли Уман усомнился:

— Почему, став главой, я всё решу так просто?

— Вы рискнули жизнью ради братского долга, поднявшись на гору, к тому же есть предание культиваторов — кто в лесах не станет вас уважать? Ваши слова будут иметь вес. К тому же, раз И Минсян — ваш брат, секта Цинфэн будет вынуждена его вернуть.

Ли Уман не хотел становиться разбойником, но ради спасения брата был готов на всё.

— Глава Хэй, неужели нет иного пути?

Видя, что Ли Уман колеблется, Хэй Тайсуй надавил:

— Другого пути нет.

Ли Уману пришлось согласиться.

Третий глава, всё это время молчавший, вдруг подал голос:

— Молодой господин Ли, а на горе правда есть демоны?

— Третий брат, не будь груб, по правилам об этом не спрашивают, — недовольно сказал Хэй Тайсуй.

— Прошло триста лет, мне просто любопытно. Если подъём не опасен, то делать главой такого юнца — не шутка ли это? — Третий глава перешел к делу.

— Не триста, а десять лет назад там погиб человек, ты забыл?

— Я лишь пекусь о благе наших братьев, — ответил Третий глава, не сводя глаз с Ли Умана.

Ли Уман задумался:

— Опасность там есть.

Третий глава, заметив колебания Ли Умана, уверился, что риска нет, и встал:

— Старший брат Хэй, если я поднимусь на гору, я ведь тоже могу стать главой?

Хэй Тайсуй опешил:

— Правила есть правила, но зачем тебе это, третий брат?

— Я считаю, что все эти байки про гору — лишь пустой звук. Если я справлюсь, то останусь вторым главой, а второй брат по-прежнему будет сидеть на главном месте.

Ли Уман встревожился:

— Глава Хэй, секта Фугуан не останется в стороне от дела моего брата, верно?

Третий глава перебил его:

— Если я поднимусь, вопросами спасения будет заниматься мой старший брат Хэй, молодой господин Ли, не беспокойтесь. — Подразумевалось, что правила теперь не так уж важны.

— Кто из вас станет главой, тот и будет решать, меня в это не впутывайте, — недовольно ответил Хэй Тайсуй.

Ли Уман, выросший на самом дне, научился читать людей и, увидев реакцию Хэй Тайсуя, понял, к чему всё идет.

— Раз так, у меня нет выбора. Прошу глав секты Фугуан сдержать слово.

Третий глава сложил руки:

— Сейчас час Кролика, я отправлюсь на гору, и если небеса будут благосклонны, вернусь к часу Лошади. Что скажете?

Хэй Тайсуй пытался отговорить:

— Третий брат, зачем тебе это? Есть слово культиваторов, нас ждет великое будущее с молодым господином Ли, не ходи.

Третий глава был хитер и коварен. Видя, что даже хромой Ли Уман поднялся, он еще больше уверился, что легенда — лишь выдумка. Его боевые навыки были на уровне Хэй Тайсуя, но он был в секте меньше времени и постоянно чувствовал себя в тени. Он решил: если он поднимется, его авторитет вырастет, он покажет глупость Хэй Тайсуя, и захват власти станет лишь вопросом времени.

Он посмотрел на Ли Умана:

— Молодой господин Ли уже согласился стать главой, надеюсь, вы не будете против, если я попробую?

Ли Уман понял, что тот хочет выведать правду:

— Третий глава, правила установила секта Фугуан. Я еще не глава, так что не мне решать, идти вам или нет.

Хэй Тайсуй, боясь за брата, сказал:

— Не спеши. Молодой господин Ли, по правилам мы не должны спрашивать о том, что на вершине, но раз уж третий брат собрался... если не хотите — не отвечайте.

Ли Уман, симпатизировавший Хэй Тайсую, ответил:

— Спрашивайте, глава Хэй.

— Почему вы были там три дня? Нам кажется, путь туда всего пять-шесть ли, зачем так долго?

Ли Уман опешил. Он понял: видимо, в тот день, выпив молока синего камня, он проспал на нефритовом ложе целых два дня. Собравшись с мыслями, он ответил:

— На вершине я нашел колокол, но бил по нему камнем и обухом ножа — звука не было. Два дня искал язычок, вот и вышло три дня.

Хэй Тайсуй не заметил лжи, но спросил:

— Когда вы шли вверх, вы хромали, а спустились — летели быстрее ветра. Почему?

Ли Уман ответил заранее заготовленной фразой:

— Нога была просто вывихнута, сейчас зажила.

Третий глава потерял терпение:

— Если никто не против, мы идем.

Хэй Тайсуй не мог больше спорить, и шестеро отправились к месту, откуда начинал Ли Уман.

Хэй Тайсуй вдруг сказал:

— Молодой господин Ли, давайте проводим третьего главу, а там, где вы говорили об опасности, дадите совет.

Третий глава, почувствовав страх, с радостью согласился. Ли Уману пришлось идти:

— Как скажете.

Дойдя до опасного перехода, Ли Уман остановился. В тот день он едва не сорвался в бездну, и до сих пор сердце сжималось при одном виде этого извилистого черного камня. Но Ма Куй писал, что ниже стадии Закладки Основания смерть неизбежна.

Сказать, что там змея? Но это просто камень. Сказать, что нет опасности? Но Ма Куй

предупреждал о верной смерти. Ли Уман стоял в нерешительности.

— Молодой господин Ли, этот каменный мост чем-то отличается? — спросил Хэй Тайсуй.

— Когда я поднимался, я едва не сорвался здесь. Не знаю, есть ли там демон. — Ли Уман сказал чистую правду.

— Так есть он или нет? — забеспокоился Хэй Тайсуй.

— В тот день я был в полузабытьи, сам не знаю.

— Если есть демон, то какой? — Третий глава тоже занервничал.

— Большая черная змея, — ответил Ли Уман. Он не хотел смерти Третьего главы и добавил: — Третий глава, думаю, не стоит идти.

Третий глава, изначально напуганный, решил, что Ли Уман его пугает, и рассмеялся:

— Молодой господин Ли, мы, люди лесов, ценим отвагу. Неужели я отступлю из-за какой-то змеи?

Ли Уман не двигался:

— Я не рискну, и вам не советую.

— Не ходи, брат, — попросил Хэй Тайсуй.

Третий глава сложил руки:

— Ждите здесь, я перейду мост и вернусь.

Он был уверен в своем мастерстве, применил технику легкости и ступил на мост. Сделал несколько шагов, и из бездны потянуло туманом. Ли Уман в тот день был в таком ужасе, что не заметил этого.

Третий глава испугался, но отступить было стыдно. Он закусил губу и пошел дальше. Хэй Тайсуй и остальные затаили дыхание. Когда до края оставалось около чжана, сквозь туман все увидели, как с ревом, поднимая вихрь из камней и песка, вырвалась огромная черная змея с красным гребнем на голове.

Ветер пронесся над бездной, одежда Ли Умана и остальных затрепетала, глаза застилало пылью. Через мгновение ветер стих, змея исчезла, а Третий глава бесследно пропал. Видимо, его съели или он сорвался вниз.

Хэй Тайсуй и остальные переглянулись и поспешно отступили, молча возвращаясь в лагерь.

На тренировочной площадке собрались люди — все знали, что Третий глава пошел на гору. Увидев мрачные лица вернувшихся, они всё поняли. На Ли Умана теперь смотрели с еще большим уважением.

Войдя в зал, Хэй Тайсуй сказал:

- Судьба непредсказуема. Третий брат был героем, но... слова культиваторов нельзя нарушать.
- Он отправил Четвертого главу рассказать всё братьям, чтобы не было домыслов.

Повернувшись к Ли Уману, Хэй Тайсуй спросил:

- Завтра разошлем приглашения, послезавтра вы займете место главы секты Фугуан. Что скажете?
- Я молод и неопытен, боюсь, не справлюсь, и это лишь уронит престиж секты. Пригласите только людей из секты Цинфэн.
- Хорошо. На этом пути есть еще одна секта — Хунфэй, в двухстах ли отсюда. Завтра пригласим их и Цинфэн, послезавтра вы станете главой.

Ли Уман кивнул:

- Если послезавтра придут люди из секты Цинфэн, можно будет потребовать брата?
- Конечно. Прошло уже шесть дней, второй господин натерпелся. Я всё устрою, не волнуйтесь.

На третий день секта Фугуан украсила лагерь, накрыла столы, повсюду царило веселье. Глава секты Хунфэй пришел с десятками людей, Хэй Тайсуй встречал их у ворот.

Секта Хунфэй была далеко, конфликтов не было, а глава их, даос по прозвищу Иси, был в хороших отношениях с Хэй Тайсуем. Их проводили в лагерь.

Вскоре пришел глава секты Цинфэн с десятками людей. Его звали Чан Шань, в народе — Чан Железная Ладонь. Из-за недавних трений встреча была полна фальшивых улыбок. Хэй Тайсуй лично проводил их внутрь.

- Что за человек ваш новый глава? — спросил Чан Шань, это волновало его больше всего.
- Он почтил слово культиваторов и поднялся на гору Фэншань, — с гордостью ответил Хэй Тайсуй.
- Сколько ему лет? Из какой школы? — Чан Шань уже знал ответ, но от услышанного внутри всё сжалось.
- Тринадцать. Не знаю, из какой школы.

Чан Шань усмехнулся:

- Герой в юности. У вашей секты Фугуан есть будущее. — Он боялся, что у них появился мастер боевых искусств, но тринадцатилетний мальчишка, кем бы он ни был, не казался ему опасным.

Хэй Тайсуй промолчал.

Наступил благоприятный час. Началась церемония, прозвучали девять сигнальных пушек. Ли Умана окружили люди, он сложил руки, произнес заученные слова, и начался пир.

Ли Уман сидел за одним столом с Хэй Тайсуем, Чан Шанем и даосом Иси. После третьего кубка Чан Шань, заранее подготовившись, прикрыл лицо рукавом, поднял чашу:

— Глава Ли, давайте выпьем за знакомство.

Хэй Тайсуй не мог помешать. Ли Уман, зная, что ему нужна помощь, не мог отказаться и поднял свою чашу:

— Глава Чан, прошу. — И выпил всё до дна.

<http://bllate.org/book/19604/1923434>